

**СВИДЕТЕЛИ НЕОПАЛИМОЙ КУПИНЫ:  
СЕМЬЯ ГЛАГОЛЕВЫХ**

«Только тогда страдания христианина будут подобны страданиям Христа и спасительны для страдальца, когда он среди страданий сохранит и правую веру, и твердую любовь к Отцу Небесному, вразумляющему бедствиями, а также братскую любовь к ближним, не исключая и врагов своих».

свящ. Александр Глаголев

**«Сними обувь твою...»**

Приступить даже к краткому слову об удивительном свидетельстве священника Александра Глаголева невозможно без припоминания первого правила, первого условия для подобного шага: «сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая» (Исх. 3: 5).

В наши дни оксфордский патролог, митрополит Каллист (Уэр) напоминает об актуальности святоотеческого истолкования этого распоряжения, данного Моисею. Обувь, поскольку она сделана из кожи убитых животных – вещь безжизненная, инертная, грубая; по мысли свт. Григория Нисского она символизирует тяжесть, утомление и смертность, овладевшие природой человека в результате грехопадения. Поэтому «Сними обувь твою» – пишет вл. Каллист, – может означать: стряхни с себя мертвящий груз повседневности и обыденности; освободись от мертвенности прошлого и механически заученного; пробудись, открой глаза, очисти пути восприятия, смотри и виждь»<sup>1</sup>.

Вдвойне трудно нам стряхнуть мертвящую рутину безразличия после «промыывания мозгов» на протяжении XX столетия. Падение, усугубленное всей технологической мощью человечества, как-будто отбросило нас за черту восприимчивости, отгородило от вещей, достойных удивления. Разве может куст терновника гореть – и не прогорать? Армия пропагандистов «химически доказывала» нам недопустимость в природе таких отклонений («нигде» и «никогда»). О невозможности чего-либо пылающего и неопалимого в подлунном мире рапортовали спутники и космонавты. Общее огрубение человеческих пяти чувств усугублял жесткий скафандр мировоззренческой цензуры. Избавление от этого идеологического панцыря дает нам шанс снять нашу привычную «обувь» – мертвую кожу безразличия. Проснуться, как от отклика по имени, открыть глаза и ясно ощутить: «место, на котором ты стоишь, есть земля святая».

Киевскую землю, край первых страстотерпцев Киевской Руси – святых Бориса и Глеба, не удалось окончательно лишить тысячелетней исторической памяти. Глубоким свидетельством о неизгладимом – о том, что никакому насилию оказалось не под силу «стереть с лица земли» – стал путь отца и сына Глаголевых, новомученика о. Александра (†1937) и праведника о. Алексея (†1972).

***Дух и дело киевской школы***

В начале XX столетия Киевская Духовная Академия публиковала много работ, посвященных осмыслению её пути в канун 300-летней годовщины основания первой духовной школы восточных славян (1615 г). Историки трудились над описанием богатого наследия академии, основанной святителем Петром Могилой. Богословы стремились выявить непреходящую основу сопротивления

<sup>1</sup> Каллист, епископ Диоклейский. Через творение к Творцу. – М., 1998. – С. 7.; см. свт. Григорий Нисский, Жизнь Моисея.

ния «Киевских Афин» изменчивым веяниям и суровым испытаниям, которые на них обрушивались.

А.А. Глаголев с особой глубиной поставил вопрос: «Что в жизни и деятельности нашей школы переживает всякое время? Что, имея свойства непреходящего, образует основу и главное условие жизнеспособности нашей школы в прошедшем, настоящем и будущем?»<sup>2</sup> Вопрос о настоящем и будущем школы стоял остро. Натиск приближавшейся революции делал неотложным вопрос о давно назревших реформах. В этой ситуации особенно важно было определить ориентир, критерий, «дух», согласно окончательной глаголевской формулировке вопроса: «какой дух отношений отличал и должен всегда отличать дело и деятелей нашей школы, чтобы все уничтожающее время не разрушило этого дела?..»<sup>3</sup>

Перед лицом уничтожения поднимается вопрос о сути традиции, отстраняя поверхностные рецепты, диктуемые злобой дня. Проблему трансформации образования в те времена, как и в наши, привыкли рассматривать в государственно-корпоративной плоскости. Практический подход к делу казался целиком очерченным циркулярами чиновников. Горизонт был очерчен «логикой министерств» империи. Глаголев раздвигает этот горизонт. Что не исчезнет даже за той чертой, когда «языки умолкнут, и знание упразднится»? Ответ на вопрос о преходящем и непреходящем он предлагает искать у самых истоков христианской вести: «Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем. Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится» (1 Кор. 13: 8–10). Глаголев выносит в эпиграф эти удивительные слова из послания апостола Павла: «Любовь никогда не перестает»; в них – лейтмотив его мысли о судьбе духовной школы.

Характерна решимость, с которой Глаголев измеряет эту судьбу эсхатологической и апостольской мерой: «Применим это апостольское мерило земного совершенства христианского к жизни и деятельности нашей школы в первоначальную пору ее существования и в последующее время. Откроем первую страницу трехвековой истории нашей духовной матери. Что было началом ее?» Глаголев предложил исторически достоверную и точную формулу: «*Братство – союз и общение любви*»<sup>4</sup>. (В скобках отметим, что исторический контекст XVII в. не вполне был учтен о. Г. Фроловским, бросившим в «Путях русского богословия (1937 г.!) поспешную фразу о «западном пленении».)

Отметим место и день произнесения речи Глаголевым: собор Киево-Братского монастыря 31 декабря (1902 г.), в день поминовения Киевской Академией ее основателей, учивших и учившихся в ней, по традиции совершаемого в день кончины Петра Могилы (+ 31.12.1645). О плодотворности такого понимания сути Братской школы и ее непреходящей актуальности будет позже напоминать В. Зеньковский (1881 - 1962), активно участвуя в становлении Движения христианских студентов и Св. Сергиевского Богословского Института в Париже. А в канун своего трехсотлетия Киевская Братская школа переживала настоящий расцвет; в ней преподавали П. Кудрявцев, В. Экземплярский, М. Скабалланович, о. Д. Богдашевский, Ф.И.Титов, о. М. Едлинский, М. Епифанович, А. Булгаков и многие другие выдающиеся православные ученые. Они засвидетельствовали свою позицию, когда в 1905 году во время первых свободных выборов ректора КДА избрали прот. Александра Глаголева.

Вскоре поспешная и несправедливая ревизия пересмотрела автономное решение ученого совета Киевской Духовной Академии. Но профессор и протоиерей А.А.Глаголев останется духовным отцом многих преподавателей КДА и лидером ее творческих инициатив.

После закрытия КДА большевиками школа продолжит свое существование в форме Киевских академических курсов. На зачетных книжках студентов – вплоть до закрытия школы в 1924г. – читаем подпись ректора: прот. А.А. Глаголев. Домашние семинары и консультации продолжатся и позже.

<sup>2</sup> Свящ. Александр Глаголев «Слово в день поминовения Киевской Академией основателей, благотворителей, начальников, учивших и учившихся в ней» // Купина неопалимая, Киев, Дух и літера, 2002, стр. 68.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же, с.68

Свидетельство о миссии духовной школы отец Александр продолжит после первого ареста в 1931 году и скрепит его мученическим подвигом в 1937 году. После 18 допросов и пыток в Лукьяновской тюрьме земной путь отца Александра прервется в ночь с 24 на 25 ноября.

### *Семя и плод*

Александр Александрович Глаголев родился в 1872 году в Тульской губернии в семье священника. По окончании Тульской Духовной семинарии поступил в 1894 году в Киевскую Духовную Академию. Здесь, в 1898 году получил степень кандидата богословия и право на соискание степени магистра богословия без новых устных испытаний. О своем Учителе, замечательном проф. библеисте КДА Олесницком его благодарный и достойный ученик сказал:

«Как академический преподаватель А.А. Олесницкий отличался замечательным даром передавать свои богатые познания своим слушателям и изумительным терпением в этом деле. Как человек, он владел истинным благородством духа, честностью в высшем смысле слова, смирением, доброжелательством ко всем, простотою в обращении»<sup>5</sup>.

В 1900 году А.А. Глаголев защитил в КДА магистерскую диссертацию «Ветхозаветное Библейское учение об Ангелах» – выдающийся труд, привлечший внимание к талантливому библеисту. А.А. Глаголев становится членом Комиссии по научному изданию славянской Библии, принимает участие в издании Православной Богословской энциклопедии. По приглашению А.П. Лопухина пишет для «Толковой Библии» комментарии на 3 и 4 книги Царств, книги Товита, Притчей, Песни Песней, пророков Наума, Аввакума, Софонии, Аггея и на Соборные Послания<sup>6</sup>.

Между строк глаголевского послужного списка и библиографии прочитывается лейтмотив его ученых занятий: «... в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь!» (Пс. 1: 2)

*Размышление* о библейском законе: в таком размышлении вослед за первым псалмом Псалтыри Глаголев видел преодоление ложной альтернативы – либо «слепое повиновение» закону, либо ослепленный порыв к беззаконию. Революция стремилась стереть со скрижалей человечества все «ветхие» законы. На смену прежним формам права марксисты звали железные «законы истории». Радикалы и консерваторы в это смутное время оставляют забытый путь к воле – воле открыть неведомый простор для ума и сердца «в законе Господнем», законе любви. Но именно этот закон и путь Глаголев называет царским, обличая многообразные «искажения царственного закона любви»<sup>7</sup>.

Закон гостеприимства согласно Глаголеву выявляет разнообразие конкретных форм библейской премудрости. Деятельное, заботливое гостеприимство Марфы, и сосредоточенное внимание Марии к слову гостя олицетворяют два типа единого служения. Тенденция противопоставлять их друг другу грозит поляризацией внешнего и внутреннего, практики и теории, духа и буквы, слова и дела. Глаголев утверждает, что они по сути, «как семя и плод», сопряжены: «Внутреннее и внешнее служение наше Богу должны так тесно и неразрывно соединяться одно с другим, как связаны причина и действие, как семя и плод. Так, в евангельском учении, уясняемом св. Церковью, находит разрешение возникавший порою в христианском обществе вопрос о сравнительном преимуществе созерцательного подвижничества во Христе пред деятельным или наоборот»<sup>8</sup>.

Миссия духовного просвещения была явлена великими выпускниками киевской школы – святителями Дмитрием Ростовским, Феодосием Черниговским, Иннокентием Иркутским. Вослед

<sup>5</sup> Глаголев А.А. Профессор Аким Алексеевич Олесницкий. Некролог // Киевские Епархиальные Ведомости – 1907. – Октябрь.

<sup>6</sup> Толковая Библия А.П. Лопухина. Второе издание, Институт перевода Библии, Стокгольм, 1987; См.: *Прот. Микола Макар. Гебраїстика в Київській Духовній Академії та праці прот. Олександра Глаголева* // Національний університет «Києво-Могилянська академія» / Магістеріум. Історико-філософські студії, К., 2002 (в печати).

<sup>7</sup> *Свящ. А. Глаголев. «Купина неопалимая»*, К., 2002. – с. 93.

<sup>8</sup> *Свящ. А. Глаголев. Христианская мудрость жизни. Слово в праздник Рождества Пресвятой Богородицы и Софии – Премудрости Божией* // «Купина неопалимая», с. 85.

за прославленными именами академии Глаголев всоминает и других собратьев: «сколько неведомых миру, но ведомых Сердцеведцу Богу, труженников в различных служениях дала школа наша обширному отечеству нашему - таких деятелей и труженников, в жизни и деятельности которых находил осуществление и воплощение божественный закон любви?»<sup>9</sup>

Трудности в осмыслении опыта подвижников и праведников 20 столетия связаны не только с фактической ограниченностью наших знаний, с исчезновением множества документов, источников и свидетельств. Архивные утраты, обретения и преобразование данных в историческое повествование по сути связаны с иной трудностью. В путях свидетелей «закона любви» неизбежно ускользает от нашего взгляда нечто необъяснимое словом и остающееся «странным». Глаголев указал на эту трудность, приведя слова св. Иоанна Златоуста: «Знаю, что многим сказанное (о любви) покажется странным; причиною – то, что я говорю о предмете, который ныне обитает на небе. Как, если бы я говорил о каком-нибудь растении, которое родится в Индии и о котором никто опытно не знает, то я не мог бы вполне объяснить его словом, хотя бы весьма много говорил о нем; так и теперь, сколько бы я не говорил бы напрасно, потому что некоторые не поймут сказанного. Ибо на небе, как я сказал, насаждено это растение. Но если мы захотим, то оно может быть насаждено и в нас. Посему нам и заповедано говорить к Отцу Небесному: да будет воля твоя, яко на небеси и на земли» (Мф.6:10)<sup>10</sup>

Укорененным в земле «небесным растением» стал для человечества охваченный пламенем терновник, который Моисей встретил на склонах Синая. Неустрашимая «странность» неопалимого куста бросает свет и на скрижали закона любви, вверенного Моисею. Закон, исполненный любовью, и куст, расцветающий огнем: оба события несут в себе парадоксальность библейской вести. Эта парадоксальность нарушает привычные для нас схемы мышления «эпохи информации». Ни информацией, ни концептом закон любви не является. Сознанию тут, как бы, не за что ухватиться: ветви закона охвачены огнем.

Свидетели огненной любви своим образом жизни предъявляют предельные требования, перед которыми немощны наши слова и наши школы. Но Глаголев предостерегает нас от поспешных выводов из этого противоречия. Те, о ком он говорил (и чьи ряды он пополнил) открыли особую школу: «как существо Церкви образует союз истины любви и благодати, так и душу братской школы составляют эти животворные стихии»<sup>11</sup>. После семидесятилетней разрухи такой образ школы многим покажется утопией. Но Глаголев подчеркивает историческую и эсхатологическую связь школы с церковью: «Исконная связь братской школы с церковью сообщила братскому союзу любви и истины высшее освящение и благодатную силу, делая и школу причастною той непереборимости, неодоленности противными силами, какая обетована и дарована Господом Иисусом Христом Его Церкви»<sup>12</sup>.

День памяти апостола любви евангелиста Иоанна Богослова по традиции особо отмечался в Киевской духовной школе. Продолжая Иоаннову традицию, Глаголев вспоминал слово св. Димитрия Ростовского: «всякий любящий врага своего есть чудотворец».

### ***«Пламень был терним»***

Накануне Первой мировой войны о. А. Глаголев публикует знаменательную работу «Купина неопалимая. Очерк библейско-экзегетический и церковно-археологический»<sup>13</sup>. В ней раскрыто многомерное видение той Встречи, которая предварила вверение человечеству десяти заповедей и Закона: событие «первого Божоявления Моисею, при котором не только состоялось призвание его к пророчеству, но и было открыто ему великое и священное имя – Иегова (Исх. 3, 10–14)». Глаголев цитирует Мидраш: «Почему Бог показал Моисею такое видение? Потому что Моисей именно

<sup>9</sup> Там же, с. 71.

<sup>10</sup> Там же, с. 31-32.

<sup>11</sup> Там же, с. 69.

<sup>12</sup> Там же, с. 70.

<sup>13</sup> Купина неопалимая: (Очерк библейско-экзегетический и церковно-археологический) // ТКДА. 1914. – Т.1. с. 221-233; эта статья вошла в книгу и дала ей общее название: Купина неопалимая. Свящ. Александр Глаголев. – К.: Дух і літера, 2002. – 288 с.

думал и говорил в сердце своем: “Вероятно, египтяне истребят евреев”; потому-то Бог показал ему горящий, но неопалимый куст»<sup>14</sup>.

Ссылаясь на старинное толкование, современный библеист указывает на двоякое значение огня в этом «великом видении»: с одной стороны, уничтожающее его действие, символизирующее грозный гнев Иеговы (ср. Втор. 4, 24); с другой – очищающее и прообразующее действие огня испытаний и страданий (ср. Быт. 15, 17; Откр. 3, 18), которые Бог посылает отдельным людям, целым сообществам, всему человечеству, призываемым к высшей деятельности.

Гонимый библейский «остаток» человечества, как писал о. Александр, «народ, сжигаемый в «печи железной» (Втор. 4, 20) египетского рабства, казался близким к окончательной гибели, огонь мучений охватил его со всех сторон, но совершенно уничтожить евреев он все же не мог»<sup>15</sup>. Древние христианские толкователи раскрывают двойной смысл события. Блаженный Феодорит к уже упоминавшимся двум прообразовательно соотношенным парам (куст / огонь, Израиль / Египет) присоединяет третью: «Провозглашается Божия сила и Божие человеколюбие, потому что неугасимый огонь не истреблял сухого куста. Но, думаю, изображалось сим и другое, а именно, что Израиль, против которого злоумышляют египтяне, не будет истреблен, но победит врагов, а также и то, что Единородный, вочеловечившись и вселившись в девическую утробу, сохранит девство неприкосновенным»<sup>16</sup>.

Свящ. А. Глаголев особое внимание уделяет тому направлению истолкования, которое развивал св. Кирилл Александрийский. Каков прообразовательный смысл чуда, когда «пламень был стерпим»? На этот вопрос св. Кирилл отвечает: «Целью пестунства было таинство Христово, которое очень ясно указано было в видении. Ибо купина есть кустарниковое растение, бесплодное и мало отличающееся от терновника. Великий же пламень объял ее. В образе огня явился святой Ангел. И пламень весьма высоко поднимался, но нисколько не вредил купине, в которой явился. Дело было поистине необыкновенное и выше всякого разума. Огонь объемлет терние и только согревает его тихим прикосновением своим, как бы забывая свою естественную силу и совершенно спокойно облегая то, что мог бы истребить. Посему-то Божественный Моисей и был поражен видением. Какой же смысл этого видения? Огню Священное Писание уподобляет Божественное естество по той причине, что оно всесильно и легко может все побороть; деревьям же и траве полевой уподобляет человека, из земли происшедшего...»<sup>17</sup>.

Неопалимая купина не только высокий предмет для созерцания, а и ориентир пути, формирующего образ жизни, *praxis*. «Мудрость христианина, – подчеркивает о. А. Глаголев, – выражается прежде всего в исполнении воли и заповедей Божиих; она есть воплощение и осуществление учения Христова в жизни Его последователей, соответствие христианского поведения христианскому исповеданию»<sup>18</sup>. Всей своей жизнью киевский пастырь свидетельствовал о решающем значении слов Спасителя, завершающих Нагорную беседу: «Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне» (Мф. 7, 24).

### «Служение оправдания»

Оправдание без вины осужденного человека (например, по фамилии Дрейфус или Бейлис) как исторически значимое, мировое событие – таков новый горизонт человечности, «просвет» на пороге XX века...

В открытие этого горизонта внес свою лепту профессор-гебраист Киевской Духовной Академии священник Александр Глаголев, свидетель защиты Менделя Бейлиса. Избавление от клеветы

<sup>14</sup> Там же, с. 101.

<sup>15</sup> Там же, с. 101.

<sup>16</sup> Там же, с. 102.

<sup>17</sup> Там же, с. 103.

<sup>18</sup> Там же, с. 84. К замечательным деяниям о. А. Глаголева относится поездка с группой студентов КДА на Святую Землю: см. «По святым местам: от Киева до Иерусалима» – К.: Дух і літера, М.: Образ, 2005. – 128 с.

ты ни в чем не повинного согражданина, киевского еврея, обрело правовую силу прецедента, обозначило предел беззаконию.

Подсудимый (как это случается и сегодня) пассивно-«бездейтельно» претерпевал то, что на протоколно-тюремном языке именуется «делом». Снятие ложных подозрений и облыжных обвинений, *оправдание человека*: в такой отчетливой правовой форме приобрел широкую огласку, но, по сути, только приоткрылся смысл того большого исторического дела, с которым связано глаголевское имя.

Прямой, «физический» смысл этой инициативы (еще не отчеканенный в правовых формулах) выразил отец Александр Глаголев, когда встал на пути погромщиков, шедших крушить подольские лавки. Тогда с ним вышли против бесчеловечности прихожане храма Николая Доброго, верные своему настоятелю и другу. Но насколько одинок был его путь в последующие глухие годы, вплоть до допросов и гибели в 1937 году?

Настоятель разрушенного храма Николая Доброго не принимал навязываемого ему статуса одиночки, изгоя, «отщепенца» – не следует и нам сводить его дело к «исключению из правила».

Первая мировая война годами фронтовой бойни, миллионами «оптовых смертей» (О. Мандельштам), казалось, изгнала лицо и личность с исторической сцены, заслонила приоткрывшийся горизонт новой человечности. Большевизм и гражданская война навязали тот взгляд на вещи (классы, группы, прослойки), который три четверти века не позволял ни различить размах глаголевского дела, ни вдуматься в его подлинный смысл.

### *Свидетели правды*

Сталинские репрессии истребили и бросили в лагеря сотни лучших пастырей Киева, в том числе духовника киевских священников прот. Михаила Едлинского (†1937)<sup>19</sup> и ближайшего его друга, последнего ректора КДА прот. Александра Глаголева († 25.11.1937). Но их близкие, друзья, ученики не сгнули в одночасье, их семьи не исчезли в 1937 году.

Свидетелем правды, ключевым свидетелем глаголевского дела спасения людей стал Алексей Александрович Глаголев (02.06.1901–23.01.1972). Он принадлежит к поколению последних выпускников КДА.

Алексей Глаголев принимал активное участие в жизни общины новомученика отца Анатолия Жураковского<sup>20</sup>. Четыре года спустя после гибели отца Александра Глаголева в Лукьяновской тюрьме, Алексей Глаголев принимает крест служения священника<sup>21</sup>.

С первого дня (точнее, ночи) трагедии Бабьего Яра в Киеве спасительным ковчегом для многих еврейских семей стал дом Глаголевых на Подоле и Варваринская церковь.<sup>22</sup>

«Изгнание, тяжелые работы, даже концлагерь – вспоминал отец Алексей вскоре после войны, – все это не казалось таким страшным, как насильственная смерть, ибо «dum spiro, spero» (пока дышу, надеюсь). Пока человек дышит, в нем теплится надежда на избавление от этой неволи, на спасение и своей жизни, и жизни своих детей и близких. Идти же на расстрел самим, да еще своими руками нести или вести туда же собственных детей и видеть перед смертью, как их оторвут от матери и будут убивать на твоих глазах, – эта мысль была настолько ужасна, что каждый гнал ее поскорее прочь...»<sup>23</sup>. Не поддается пересказу путь Глаголевых (через рвы одичания и страха, шаг за шагом) ради избавления от ада неведомых им прежде сограждан.

<sup>19</sup> См. книгу свящ. Михаила Едлинского и свящ. Георгия Едлинского «Любящее Господа сердце. Труды. Проповеди. Воспоминания» – К.: Дух і літера, Свято-Макариевская Церковь, 2004. – 472 с.

<sup>20</sup> См. книгу свящ. Анатолия Жураковского «Мы спасемся Его жизнью. Проповеди 1921–1930 гг. Статьи» – К.: Дух і літера, 2012. – 384 с.

<sup>21</sup> Рукоположение совершено 20 ноября 1941 г. в г. Кременце Волынской епархии архиепископом Волынским и Житомирским Алексием, блюстителем Киевской митрополии.

<sup>22</sup> См. В. Гроссман, И. Эренбург, «Черная книга», глава «Священник Глаголев», Вильнюс, 1993, с. 372–377.

<sup>23</sup> Свящ. Алексей Глаголев. За други своя // Священник Александр Глаголев, «Купина неопалимая», с. 187.

Праведниками мира провозглашены отец Алексей<sup>24</sup>, матушка Татьяна Павловна, их дети Магдалина Алексеевна и Николай Алексеевич Глаголевы. Свидетельство из первых рук участницы тех событий, дочери отца Алексея и Татьяны Павловны Глаголевых, – воспоминания Магдалины Алексеевны сообщают нам сегодня точный фактический материал, и вместе с ним важнейший элемент данных о деле их семьи: живой дух, который одушевляет его.

Дух подлинного свидетельства освобождает от протокольно-тюремного новояза само понятие «дело» (этот акцент чекистов вошел в частотный словарь диссидентов, а в последнее десятилетие его консервируют архивисты). Здравый смысл и просто здоровое ощущение неискаленной речи сопротивляются механическому повторению слов, которые Магдалина Алексеевна Глаголева не только берет в кавычки, но и переносит в совершенно иной нравственно-исторический контекст. «До закрытия Киевской Духовной Академии в 1924 г. А. А. Глаголев был там профессором кафедры библейской археологии и древнееврейского языка. Кроме того, он знал 18 классических и европейских языков. И всей своей жизнью он опровергал излюбленные обвинения антирелигиозников в адрес духовенства: невежество, тунеядство, одурманивание народа в корыстных целях и т. д. Машина НКВД поставила задачу уничтожить этого священника и создала “дело” о якобы его “активном участии в антисоветской фашистской организации церковников”...»<sup>25</sup>.

Отстранение этого набора убийственных «букв» (конденсат атмосферы патологической подозрительности той эпохи) возвращает возможность увидеть лицо человека, ясно запечатлевшееся в памяти его внуки и крестной дочери. Она заботливо отстраняет и другую крайность: неуместное восхваление глаголевского подвига по меркам той логики, для которой “без всяких элементов тщеславия” непредставимо величие исторического дела. Но в том-то и тайна его правды: «Для него характерны смирение и простота. Не та *sancta simplicitas*, о которой говорят в отношении ребенка или простака, много недопонимающего. А простота от мудрости. Мудрость и предельное незлобие — любовь к людям»<sup>26</sup>.

«Предельное незлобие» как новое определение правды — Божьей и человеческой — было явлено в том столетии, когда, казалось, озлобление и злопамятность были возбуждены до предела. От нас эти события требуют того редкостного качества, имя которому стереть не удалось: *непамятозлобие*. Его смысл выходит далеко за рамки психологии. Перемена ума («метанойа») предполагаемая непамятозлобием, – глубже персональной незлопамятности. По сути, речь идет об изменении основных навыков отношения к миру, к Богу, к людям, к прошлому и к настоящему.

### «Никто»? «Ни один человек»?

Злобу дня нас приучают оценивать согласно социологическим опросам «электората». С понятием «масса» играют в пасс ставящие себя вне её или над ней. В приговорах нашему злосчастному прошлому не только журналисты, но и ученые без особых оговорок употребляют слова «все» или «никто». Такие «тотальные» рефлекс (называть ли их суждениями?) в спорах о тоталитарном наследстве, увы, зачастую, даже не ставятся сознанием под вопрос. Проходят годы и десятилетия, но так трудно вырваться из круга огульных приговоров, размашистых обобщений, безоговорочных вердиктов. Всеведение на службе обличительства стало такой расхожей монетой, что как бы не с руки проверять — а не фальшива ли она?

Взвешенность каждого слова и беспристрастная точность суждений в глаголевских воспоминаниях представляет собой некую максиму. В свете её многие привычные элементы словаря придется пересмотреть. Разве возможно, прочитав *такое*, не отказаться от речевых жестов, узурпирующих божественное всеведение: «они все как один», «все до одного», «никто», «ни один че-

<sup>24</sup> Памятная доска к столетию со дня рождения А.А. Глаголева (1901 г.р.) по инициативе издательства «Дух і літера» установлена 30 января 2002 г. на входе в дом, где родился Алексей Александрович Глаголев, (адрес дома: ул. Волошская 8/5, 5-й корпус Национального Университета Киево-Могилянской Академии). См. «Відкриття пам’ятної дошки прот. Олександрю та прот. Олексію Глаголевим» – Дух і літера, № 9-10, с. 215-228.

<sup>25</sup> Магдалина Глаголева-Пальян. Воспоминания об Александре Александровиче Глаголеве // Вестник РХД № 181, Париж – Нью-Йорк – Москва, 2000, с. 72; опубликовано также в книге «Купина неопалимая», с. 261.

<sup>26</sup> Там же, с. 260-261.

ловек» и т.п.? Бросая камень подобных суждений, я не могу не участвовать в сговоре замалчивания (вольно или невольно, но отныне с сознанием дела) поступков и жизни этих свидетелей.

Ответственность и свобода в настоящем, как ни странно, зависят от глубины нашего удивления при встрече с такими поистине дивными людьми: нить живого предания — из уст в уста — так и не удалось разорвать? Тоталитарные машины, с востока и запада калечившие Киев,— так и не перерубили принявшийся здесь тысячелетний корень лозы иерусалимской?<sup>27</sup>

Око начальства проглядело (а наши схемы «тоталитарного человека» продолжают вычеркивать) такую странную личность, которая умудрилась не вступать ни в октябрята, ни в пионеры, ни в комсомольцы, ни разумеется, в партию, и при этом после войны потрудиться треть века врачом, коллегой доктора Живаго. Типизировать или обобщать здесь, опять-таки, не следует. Невыдуманная подлинность духовной жизни человека «постпастернаковского» поколения сегодня предлагает больше вопросов, чем ответов. И первый вопрос не в биографических перипетиях автора открытых перед нами свидетельств, а в грубости наших социо-исторических методов для их истолкования. Градация грубости, милостью небес, не безгранична.

### *Без свидетелей?*

Как быть с данными, бросающими вызов нашим теориям? Ум не находит для них места в наших схемах; но ощущению уже явлена мощь реальности неистребимой, одолевшей адовы круги уничтожения и в теории, и на практике<sup>28</sup>. Суть дела не упрятали ни в подвалах, ни под сукном: «Мой отец объяснял, что великомученики среди других христианских мучеников, называются так потому, что их не только много мучили, но, умирая в коллизеях, на площадях, они воздействовали своим примером на других и те, в свою очередь, принимали мученическую смерть. У наших мучеников не было свидетелей. Они были лицом к лицу со своими мучителями. Поэтому о них нужно говорить не ради них, а ради живых, подвигая их на добро»<sup>29</sup>.

Тоталитарная идея изнасиловать историю «без свидетелей» была отброшена категорической неустрашимостью свидетельских показаний тех, кто «был там», видел и дает видеть происходившее другим. «Видите» — ключевой жест и рефрен в пронзительных строках 40-х годов о Бабьем Яре у Ольги Анстей, духовной дочери о. Алексея Глаголева:

*«...Видите этих старух в платках,  
Старцев, как Авраам величавых,  
И вифлеемских младенцев курчавых,  
У матерей на руках?  
Я не найду для этого слов.  
Видите — вот на дороге посуда,  
Продранный талес, обрывки Талмуда,  
Ключья размытых дождем паспортов...»<sup>30</sup>.*

О том, сколь трудно (но и неизбежно) это свидетельское служение по самой природе вещей, дело говорит яснее слова и заодно с ним<sup>31</sup>.

<sup>27</sup> После изгнания из Киева во время Второй мировой войны в ключе псалма говорит в стихотворении «На реках Вавилонских» Ольга Анстей:

*«Что слова, когда нам запрещен  
Наш зеленый у Днепра святого  
Многохолмный наш Сион...»*

<sup>28</sup> См. главу «Протоиерей Александр Глаголев», открывающую книгу «Записки священника Сергия Сидорова», М., 1999, с. 7–15.

<sup>29</sup> Магдалина Глаголева-Пальян. Воспоминания об Александре Александровиче Глаголеве // Вестник РХД № 181, Париж — Нью-Йорк — Москва, 2000, с. 76; «Купина неопалимая», с. 261.

<sup>30</sup> Ольга Анстей, Собрание стихотворений, Киев, Радуга, 2000 г.

<sup>31</sup> См. об этом в «Стихе об уверении Фомы» у С. С. Аверинцева: «Что я видел, то видел, / и что осознал, то знаю: / копьё проходит до сердца / и отверзает его навеки... / блаженны свидетели правды, / но меня Ты должен приготовить». — Стихи Духовные, Киев, 2001, с. 101.



Глаголевская купина помогает нам яснее различать основные исторические черты нашей смутной, тонущей в анонимной «тени», эпохи. Выделим три направления, требующих дальнейшего подробного изучения и осмысления.

- Преступные режимы были названы своим именем *в свете свидетельств* об Освенциме и ГУЛаге.
- Свет свидетельств не только табуировал практику тоталитаризма, но и опроверг ключевое положение его идеологии: *все позволено «без свидетелей»*, без Другого.
- Светом свидетельств пока высвечена только верхушка айсберга тотальных идеологий последних столетий; но с ними подспудно связана масса наших привычных схем, понятий, навыков мышления, по инерции *исключающих свидетельское измерение мысли* о трагическом рубеже эпох<sup>32</sup>.

Опираясь на библейское повествование о первосвидетеле правды – Аврааме – в XIX веке Киркегор бросил вызов всеохватно-энциклопедическому теоретизированию гегелевского типа. В истолковании дела «рыцаря веры» родилась экзистенциальная философия, переменившая горизонт мысли XX столетия. После искушения миражами глобальных идеологий, мысль XXI столетия остро нуждается в возобновлении контакта с несговорчиво–конкретной реальностью<sup>33</sup>. В ближайших исторических событиях мы призваны расслышать не заглушаемый ничем разговор Иерусалима и Афин, Синая и Фавора. Опорой в таком деле может сегодня послужить библейская мощь глаголевских деяний<sup>34</sup>.

### **Фрагментация заветов и «полное христианство»**

О Десяти заповедях (их греческое именование «декалог» ближе переводит наименование на иврите, означающее буквально: «десять слов», Десятисловие) нечасто услышишь в средних и высших школах начала XXI века. А в начале XX века о. Александр Глаголев о них писал: «власть и действие этих «десяти слов» не только обнимает все время Ветхого Завета, но и сохраняет всю силу и в Новом Завете на все века его продолжения. Не лежат ли эти заповеди Синайского Закона в основе всей европейской христианской цивилизации и культуры права? Не ими ли держится всякое общественное благоустройство?»<sup>35</sup>

Отец Александр делал вывод об изменении образовательного подхода:

«Изучение Закона Божия в наших школах должно осуществляться так, чтобы всюду выступала органическая связь обоих Заветов и чтобы идеей спасения людей освещались все отдельные рассказы из ветхозаветной и новозаветной истории. Этого, к прискорбию, доселе не наблюдается ни в низших, ни в средних наших школах. Дети учат отдельные отрывки истории в форме рассказов, например о Ное, об Аврааме, о Давиде и пр., а какое отношение имеют эти рассказы к истории христианства, они не представляют. Между тем нужно иметь такой учебник по Закону Божию, который бы обнимал и выяснял собой так сказать – *полное христианство, т.е. ветхозаветное и новозаветное и их тесную взаимную связь*»<sup>36</sup>.

Созерцание неопалимой купины у о. А. Глаголева глубоко созвучно тому, что писал его современник преп. Силуан Афонский: «О, немощный мой дух. Он тухнет как малая свеча от слабого ветра; а дух Святых горел жарко, как терновый куст, и не боялся ветра. Кто даст мне жар такой, чтобы не знал я покоя ни день, ни ночь от любви Божией?»

Много сменилось ветров и поветрий после памятного празднования 1000-летия Крещения Руси (1988) и отмены государственного атеизма на 1/6 земли. Миллионы свечей загорались в эти

<sup>32</sup> Нашим расчетам с тоталитарным наследием еще предстоит радикальная трансформация, аналогичная той, которую произвело в высшей математике открытие «бесконечно малых величин».

<sup>33</sup> См. К. Б. Сигов, Проблема разрыва между онтологией и этикой в современных учениях о человеке // Альфа и Омега № 32, 2002, с. 204–219.

<sup>34</sup> См.: Священник Александр Глаголев, «Купина неопалимая», Киев, 2002, 218–277 сс.

<sup>35</sup> Там же. – с. 178.

<sup>36</sup> Свящ. А. Глаголев. Ветхий Завет и его непреходящее значение в христианской Церкви // Свящ. А. Глаголев. Купина Неопалимая. – К., Дух и литера, 2002. – С. 185.

годы, выхватывая из темноты новые лица. Немногие «малые свечи» горели верным и тихим пламенем, а другие «тухли от слабого ветра», от суеты, рассеянности, забывчивости.

Гости издалека, заходя в наши храмы после перестройки, удивлялись тому, как мало в них памяти об огненной вере тех, кто во времена гонений на веру сберег таинственный свет верности. Почему этим светом не светятся лица благодарных преемников сгинувших исповедников и новомучеников? Отчего память о ближайших к нам святых не преобразила язык, не обновила поначалу духовное образование, а мало помалу и светское? Где среди нас сегодня бредут живые преемники путников в Эммаус, спрашивающих самих себя: «не горело ли в нас сердце наше...»? (Лк. 24:32) Спаситель в XX веке, как и во времена евангельские, вновь столь явно принес огонь на землю в лицах Своих свидетелей. И в них – призыв к тому, чтобы этот огонь вновь разгорался. Но вспомним, что путники в Эммаус ощутили телесно не вещественный огонь очага: они прикоснулись к реальному истолкованию книги Моисея «о бывшем у Купины...».

Дар истолкования – этот многообразный дар сегодня необходим и тем, кто впервые открывает Евангелие и Псалмы, и тем, кто стремится читать их на языках оригинала и освоить современные открытия библейской науки. Истолкование ключевых поступков, слов и событий евангельской истории выхватывает из темноты тот смысл, ради которого не боялись ни смерти, ни жизни, ни мора безвременья современные продолжатели этой истории.

Исповедники XX века множеством смысловых нитей прочно связаны с библейскими подвижниками веры и христианами первых веков, с традицией и ее будущим. Выявление и осмысление этих связей – призвание нашей эпохи. Значение этих трудов подобно тем, которые были посвящены выявлению связей и соответствий Ветхого и Нового Заветов, раскрытию единства богочеловеческой истории, несмотря на войны, пленения, катастрофы и разрывы традиций.

Каждый, кто трудится и участвует сегодня в этой работе, вынужден оказывать сопротивление «ветру» розни идентичностей, разобщенности людей, фрагментации заветов, искаженным и усеченным проекциям искомой полноты правды.

Глаголевская перспектива открыта, несмотря на многие обстоятельства, склоняющие нас к разочарованию и унынию.

Жизнь семьи Глаголевых – ближайшее историческое ручательство о «свете из терновника», обращенном к каждому и сегодня: «Тогда это произошло с Моисеем, а теперь происходит с каждым кто, как и он, освободился от земной оболочки и возрел на свет из терновника...»<sup>37</sup>.

Ноябрь, 2002 г.  
(правки – ноябрь 2012)

---

<sup>37</sup> Святой Григорий Нисский. О жизни Моисея Законодателя. – С. 35.